

*Моим читателям
с благодарностью*

*Данте и Беатриче восходят к сфере Марса.
Гравюра Гюстава Доре, около 1868 г.*

Надежда, — я сказал, — есть ожиданье
Грядущей славы; ценность прежних дел
И благодать — его обоснованье.

*Данте Алигьери.
Божественная комедия.
Рай. Песнь 25, стихи 67—69¹*

¹ Перевод М. Лозинского. — *Здесь и далее прим. перев.*

Пролог

Флоренция, 1292 год

Поэт оторвался от стола и взглянул в окно на свой любимый город. Прекрасные здания и улицы зывали к нему, но голоса их были глухими. Казалось, великий свет угас не только над городом, но и над всем миром.

«Quomodo sedet sola civitas plena populo! Facta est quasi vidua domina gentium...»¹

Его глаза медленно скользили по стихам «Плача Иеремии», начальные строки которого он только что произнес вслух. Увы, слова древнего пророка не передавали всей безмерности скорби, владевшей поэтом.

— Беатриче, — прошептал он, и у него сдавило сердце.

Даже сейчас, спустя два года после ее смерти, ему было трудно описывать свою утрату.

Она навсегда останется юной и благородной. Его вечной музой. Всей поэзии мира не поведать о его преданности Беатриче. Но во имя памяти, во имя их любви он предпримет такую попытку.

¹ «Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! Он стал, как вдова; великий между народами...» Плач Иеремии, глава 1, стих 1.

Глава 1

*Июнь 2011 года. Селингроув,
штат Пенсильвания*

Профессор Габриель Эмерсон стоял в дверях кабинета, засунув руки в карманы, и с нескрываемой страстью смотрел на свою жену. Он был рослым, атлетически сложенным мужчиной с запоминающейся внешностью и ярко-синими сапфировыми глазами.

Они познакомились, когда ей было семнадцать (ему — на десять лет больше). Габриель влюбился в нее с первого взгляда. Потом время и обстоятельства разлучили их. Не последнюю роль в этом сыграл его необузданный богемный образ жизни.

Но небеса оказались к ним благосклонны. Через шесть лет они вновь встретились в Торонто, когда она пришла аспиранткой на его поток. Их отношения возобновились, получили дальнейшее развитие, и через полтора года они поженились. Завершался шестой месяц их супружеской жизни, а любовь Габриеля к жене только крепла. Он завидовал воздуху, которым она дышала.

Габриель и так достаточно долго ждал того, чем собирался заняться. Скорее всего, жену требовалось соблазнить, а Габриель был опытным соблазнителем и этим очень гордился.

Пространство дома наполняли звуки «Mango» — песни Брюса Кокберна. Мелодия навевала воспоминания о Белизе, куда они ездили еще до женитьбы. Им понравилось заниматься любовью под открытым небом, в разных местах, включая пляж.

Джулия сидела за письменным столом, не замечая ни музыки, ни пристального взгляда мужа. Она стучала по клавишам ноутбука. Вокруг громоздились книги и две коробки бумаг, которые Габриель ус-

лужливо принес ей с первого этажа. Когда-то этот дом принадлежал его родителям, а теперь являлся летней резиденцией супругов Эмерсон.

В Селингроув они приехали неделю назад — передохнуть от напряженной жизни в Кембридже, штат Массачусетс. Габриель занимал должность профессора в Бостонском университете. Джулия недавно закончила первый курс докторантуры. Ее руководительницей была замечательная женщина, блестящий ученый, много лет проработавшая в Оксфорде. Уехать в Селингроув супругов Эмерсон заставило не только желание передохнуть. В их доме на Гарвард-сквер шел грандиозный ремонт, создававший невыносимые условия для жизни.

Еще до их приезда в Селингроув старый дом Кларков подвергся коренной реконструкции, замысел которой был тщательно разработан Габриелем. Большая часть мебели, оставленная здесь Ричардом (его приемным отцом), перекочевала на склад. Если эстетические вкусы Габриеля тяготели к темному дереву и коже сочных коричневых тонов, Джулия предпочитала яркие цвета, как в домах на морском побережье. Ей нравились белые стены, белая мебель и насыщенно-синие тона интерьера.

В кабинете Джулия повесила репродукции картин, украшавшие их дом на Гарвард-сквер: «Встречу Данте и Беатриче на мосту Санта-Тринита» Генри Холидея, «Весну» Боттичелли и «Мадонну с младенцем и двумя ангелами» Филиппо Липпи, на которую сейчас и был устремлен пристальный взгляд Габриеля.

Можно сказать, что эти картины иллюстрировали стадии отношений супругов Эмерсон. Первая символизировала их встречу и нарастающую страсть, которая охватила Габриеля. Вторая — стрелу Купидона, поразившую Джулию прямо в сердце, когда в первый день аспирантских занятий Габриель ее не узнал, а также их последующие бурные отношения и женитьбу. Лик Мадонны на картине Филиппо Липпи выражал чаяния Габриеля.

Вот уже третий вечер подряд Джулия плотно занималась подготовкой к своей первой публичной лекции, которую через месяц ей предстояло прочесть в Оксфорде. Четыре дня назад они занимались любовью прямо на свежевыкрашенном полу спальни, поскольку мебель им еще не привезли.

Оба измазались краской, и Джулия решила, что отныне «телесная живопись» станет их любимым развлечением.

Воспоминания о том вечере и нараставший темп музыки подхлестывали Габриеля. Его терпение иссякало. Как-никак они молодожены, и он не позволит Джулии игнорировать выполнение супружеских обязанностей.

Габриель на цыпочках подкрался к жене, отвел ее длинные волосы и приложился к шее. Легкая щетина на щеке делала поцелуи более страстными.

— Идем, — прошептал он.

Кожа Джулии покрылась пупырышками. Длинные тонкие пальцы Габриеля плавно скользили по ее шее. Он ждал.

— Я еще не закончила с лекцией, — поворачивая к мужу свое прекрасное лицо, сказала Джулия. — Не хочу разочаровывать профессора Пиктон. Как-никак это она меня туда пригласила. Среди участников я самая молодая.

— Ты ее не разочаруешь. И времени на лекцию у тебя еще достаточно.

— Время мне нужно не только на лекцию. Надо ведь и дом привести в порядок. Через два дня приедут твои родственники. — Они не мои родственники, — сверкнул глазами Габриель. — Они — наши родственники. А для уборки я найму прислугу. Бери плед и идем.

Обернувшись, Джулия увидела очень знакомый плед. Он висел на спинке белого мягкого стула, стоявшего у окна. За окном темнели кусты, которые росли по периметру двора.

— Я буду тебя охранять.

Габриель помог ей встать, обнял за талию и прижал к себе.

Сквозь тонкое летнее платье она почувствовала тепло его тела. Приятное, будоражащее тепло.

— И что тебя так тянет в этот сад, когда темно? — задала провокационный вопрос Джулия.

Она сняла с мужа очки и положила на стол. Габриель и без очков смотрел на нее так, что его взгляд мог бы растопить снег.

— Когда я внутри тебя, мне хочется видеть, как лунный свет разливается по твоему обнаженному телу, — прошептал Габриель.

ИСКУПЛЕНИЕ ГАБРИЕЛЯ

Он слегка закусил ей мочку уха, а затем стал целовать ее шею. От его поцелуев и покусываний сердце Джулии забилося еще сильнее.

— Декларация желаний, — прошептала она.

Только сейчас она услышала музыку, а ноздри уловили запах Габриеля — смесь мяты и одеколona «Арамис».

Габриель отпустил ее, как кот ненадолго отпускает мышь, продолжая следить за каждым движением.

— Думаю, Гвидо да Монтефельтро немного подождет, — сказала Джулия, поглядывая на свои тезисы.

— Уже более семисот лет он обитает на том свете. Уж что-что, а ждать он научился.

Джулия ответила мужу улыбкой и взяла его протянутую руку.

Они спустились вниз и пошли через двор. Настроение Габриеля заметно улучшилось.

— Ты когда-нибудь раньше занималась любовью в саду? — игривым тоном спросил он. Джулия вытаращила глаза и покачала головой. — Тогда я рад, что я у тебя первый.

— Габриель, ты у меня последний, — возразила она, стискивая ему руку. — Ты мой единственный.

Габриель быстро пересек двор и, когда они вошли в сад, включил фонарик. Габриель шагал впереди, указывая Джулии корни и кочки.

Июнь в Пенсильвании выдался очень теплым. Листва деревьев и высоких кустов почти не пропускала свет луны и звезд. Весело щебетали вечерние птицы. Неутомимо стрекотали кузнечики.

Вскоре они оказались в центре сада, который успел зарости и сейчас больше напоминал цветочный луг. В дальнем конце темнели силуэты старых яблонь. Позади них Габриель посадил новые. Саженцы прижились и теперь тянулись к небу.

Напряжение, владевшее Габриелем, начало спадать. Может, это место действительно было священным, ибо всякий раз, придя сюда, он успокаивался.

Джулия наблюдала за его приготовлениями. Габриель аккуратно расстелил плед, затем выключил фонарик. Их сразу же окружила